

Штирлиц - Есенин (Стратиевская)

Часть 1

1.Есенин - Штирлиц. Конфликт общим планом

Первое, что приходит в голову, когда речь заходит о конфликте этой диады - стереотип жестокого “человека - машины” - Штирлица, третирующего хрупкого и одухотворённого Есенина. Сразу перед глазами встаёт этакий бездушный “собственник” Сомс Форсайт, удушающий своим железным домостроем нежную и романтическую Ирэн (про которую читателю наверняка известно, что она вышла за замуж по расчёту, отказывала мужу в физической близости и имела любовника на стороне.)

Но давайте на время отвлечёмся от литературных персонажей и от того, как протекает этот конфликт в домах английских леди и джентльменов. Посмотрим, что происходит на нашей российской почве.

Здесь так же, как и в любой другой конфликтной диаде поначалу всё происходит мило и очаровательно. Хрупкий и нежный Есенин (кротостью и уступчивостью отдалённо напоминающий Достоевского) производит на Штирлица самое благоприятное впечатление: “Если бы вы видели лицо этого человека - это лицо ангела!”

Со своей стороны и Штирлиц Есенину кажется идеальным партнёром - сильный, мужественный, работающий, охотно предлагающий свою помощь и поддержку. А кому как не Есенину искать этой помощи? Ведь он, как никто, нуждается в защите и всю жизнь проводит в поисках надёжного и заботливого покровителя. (Иногда даже прямым текстом напрашивается в подопечные: "Да-а-а, некоторым хорошо, их опекают... А обо мне хоть бы кто позаботился!..")

Выстраивая свои отношения, Есенин старается учитывать и выгодно использовать в своих интересах личные достоинства и социальные преимущества своего партнёра. Многие зависит и от самооценки Есенина, и от осознания выгод и преимуществ собственного положения в системе. Амбициозный ИЭИ, как и любой аристократ будет работать "на повышение" и искать себе партнёров, способных многое принести в их совместные отношения, многим одарить, облагодетельствовать, что с особой благодарностью (на первых порах) принимается Есениным и всемерно им поощряется. Есенин с заниженной самооценкой довольствуется покровительством людей со скромными возможностями и скромным достатком: поощряет их готовность делиться последним, культивирует их склонность к самопожертвованию, заставляет их без отдыха и срока "работать на отдачу".

Очарование раннего этапа отношений подкрепляются прежде всего способностью Есенина красиво и романтично ухаживать за понравившейся ему женщиной, способностью создавать обстановку раскованного и беззаботного веселья. Есенин как никто способен расслабить человека - даже конфликтёра, - и особенно на раннем этапе отношений, когда они ещё носят лёгкий и непринуждённый характер.

Но Штирлиц как раз и принадлежит к тому типу людей, которые очень редко и особенно трудно расслабляются. Поэтому вся эта романтическая феерия, все эти сладчайшие "соловьиные трели" начинают пугать и настораживать Штирлица, поскольку они пожирают его время. (А время - это самый дорогой и самый дефицитный ресурс из всех, имеющихся у него в наличии.) Чувствуя, что Есенин попросту ворует у него время, Штирлиц начинает грубо прерывать Есенина, разрушая его воздушные замки и миражи, чем и вызывает бурный протест и недовольство своего конфликтёра, провоцируя его упрёки, переходящие в скандалы и истерики: "Какая ты грубая! Какая ты жестокая! Вот потому- то тебя никто и не любит!" Понятно, что и эта информация бальзам на душу Штирлица не проливает. Негативное отношение к себе, равно как и негативные отзывы Штирлиц воспринимает очень болезненно: аспект этики отношений - его суггестивная функция!

Есенин очень быстро подмечает эти и другие уязвимые точки Штирлица и, со свойственной ему как (инволютору) подсознательной склонностью к разрушению всего ненадёжного и непрочного, начинает на эти точки целенаправленно и деструктивно влиять.

(В бета - квадрате достаточно хоть чем -нибудь "быть не таким как все" - в дом входить "не с того" двора, еду и одежду покупать "не в том" магазине, - чтобы тут же подвергнуться самой жестокой критике, самой грубой, циничной клевете и злословию со стороны бета - инволюторов - Есенина и Жукова. Есенин здесь будет "первым запевалой". В квадратах аристократов (а особенно в бета - квадрате) опасно попадать в "неловкое положение", потому что оно всегда будет делать человека объектом информационных войн. А если к тому же он начнёт реально "отставать" или "сбиваться с курса" - это уже достаточное основание для того, чтобы оттеснить его, затоптать, рассматривая как досадную помеху на пути общества, которая непременно должна быть устранена.)

Пытаясь сравниться успехами и достижениями со Штирлицем, Есенин всемерно ослабляет и уязвляет Штирлица в личном мнении и во мнении общества (принижает по логике соотношений), занижает его заслуги и его самооценку, злословит по поводу каждой его неудачи (чаще вымышленной, чем реальной), что потом позволяет ему логически перевернуть ситуации с точностью до наоборот, активизироваться этим логическим "перевёртышем", уверовать в него и уже на этом основании жестоко критиковать Штирлица (по любому вымышленному поводу), оттеснять его "на обочину" (как "лишнее" и "слабое звено" в системе), вытеснять из общих планов и перспектив ("за ненадобностью"), ссылаясь на него как на неудачника, которому "и так и так пропадать", потому что он всё равно уже "везде опоздал" и "всё упустил". (А чего не успел упустить, то у него из рук вырвут, выпросят или вытребуют, - было бы только

желание и дальше его унижать и заставлять работать на отдачу).

В первую очередь это конечно же относится к проблематичному аспекту Штирлица - мобилизационной "интуиции времени" (-б.и.4). Есенин заставит Штирлица отставать по всем статьям, упускать всё и везде, даже если тот всеми силами попытается этому воспрепятствовать.

Есенин умеет поглощать и своё и чужое время, оттягивая его на собственные цели и удовольствия. У Есенина времени всегда столько, сколько ему нужно (а на взгляд постороннего - даже более чем достаточно) и его основная проблема - чем бы с пользой и выгодой для себя это время занять. У Штирлица лишнего времени не бывает, у него его никогда не хватает даже на самые необходимые дела (что является поводом для особо язвительной критики и насмешек Есенина, который часто говорит конфликтёру: "Как я ненавижу в тебе эту суету! У тебя даже руки дрожат, когда ты торопишься! Смотреть противно... Дела свои вовремя не заканчиваешь...").

И кстати о делах: пока партнёры взаимодействуют на далёкой дистанции и каждый из них занимается своими делами, конфликт между ними не принимает особо обострённых форм, хотя напряжение уже возрастает: Есенину уже хочется проконтролировать Штирлица, войти к нему "в душу", в доверие, заставить его чаще вспоминать и чаще думать о себе, хочется узнать, каковы его успехи, чем и как он занимается, хочется перепоручить ему часть своих дел и забот.

Но основные проблемы и разочарования возникают, когда конфликтёры начинают жить вместе, когда происходит первое распределение их прав и обязанностей. (Когда у Есенина в первый раз возникает и проявляется нежелание брать на себя какую - то ответственность и обязательства. Одновременно с этим "включается" и "комплекс шестёрки" Есенина, и им начинает проводиться упорная и изнурительная борьба за доминирующее место в системе, за уступки, компромиссы и привилегии. В результате которой происходит так, что все права остаются у Есенина, а все обязанности переходят к Штирлицу. Есенин как изворотливый и манипулятивный "этик" подводит под свои правовые привилегии хитрую этическую подоплёку и сам начинает указывать Штирлицу на что тот имеет право, а на что - нет. А этикой отношений как суггестивным своим аспектом Штирлиц внушается, (хоть и понимает, что партнёр его дурит).

Выговорив себе исключительные права, Есенин всё же соглашается принять на себя и некоторые обязанности, (прекрасно зная, что через какое - то время Штирлиц и сам их у него отберёт.)

Почему? А потому, что всё, исключительно всё, что поручается Есенину выполняется им из рук вон плохо, в самый последний момент и с самыми большими потерями и убытками. И Штирлиц как человек, привыкший дорожить качеством выполняемой работы никак с таким положением дел смириться не может. Халатность и разгильдяйство Есенина действуют на него угнетающе, воспринимаются как подлость, предательство, как откровенная диверсия, как тягчайшее преступление, которое необходимо пресекать и за которое необходимо наказывать. Хуже нет, когда человек

берётся за дело только для того, чтобы это дело испортить. И только за тем, чтобы ему это дело никогда больше не поручали.

Хотя, конечно, и к этому выводу Штирлиц приходит не сразу. Тому ещё предшествуют долгие уговоры, адресованные партнёру с просьбой выполнить то или иное поручение. На что Есенин обычно отвечает, что он до этого поручения ещё "не созрел", давая этим понять, что до этого дела не созреет никогда - нечего даже и пытаться поручать ему это дело. Если партнёр всё же будет настаивать, он выполнит эту работу из рук вон плохо - так, чтобы партнёр миллион раз об этом пожалел. Да ещё и подставит партнёра под неприятности напоследок (в порядке мести и наказания), чтобы впредь своевременно прислушивался к деликатным намёкам Есенина, уважал его личное мнение и личное право на отказ от какой - бы то ни было работы (Есенин в партнёрские отношения приходит не для того, чтобы на партнёра пахать, в чём и старается убедить Штирлица (равно как и любого другого партнёра) всеми возможными и доступными ему методами.)

Кроме намеренных действий "не в лад не впадет", кроме заранее намеченных и спланированных злоумышлений, происходят ещё и многие другие досадные случайности, согласно которым всё, что ни делает Есенин, оказывается безнадежно загубленным и испорченным. Всё, к чему прикасаются его руки, моментально превращается в хлам и в лом. (Как вспоминает одна милейшая дама: "Только въехали в новую квартиру, как он ту же на свежевыкрашенную дверь навесил каких - то дрянных крючков на липучках - меня не спросил! А на крючки повесил тяжеленные авоськи с продуктами. Крючки тут же и обвалились. Теперь вся дверь ободрана и никакого вида не имеет! Нужно заново краску подбирать и двери под цвет стен перекрашивать. А этой - какой расход и какая морочка! Ну, как по - вашему, есть у человека соображение, или нет?")

Все эти деяния конфликтёра причиняют Штирлицу невероятные страдания и доставляют нескончаемые неприятности. Штирлиц устаёт переделывать порученные Есенину дела, устаёт чинить (или обновлять) безнадежно испорченные им вещи. У Штирлица на это нет времени и уже не остаётся сил. Но и это ещё далеко не все его беды. Каждую секунду, каждую минуту, каждый день партнёр- Есенин преподносит ему всё новые и новые сюрпризы: то его послали оплатить счета и он по дороге растратил (или потерял) все деньги, то его послали за покупками, но он опять же вернулся не с тем. ("Мы готовились к переезду на дачу. Я его отправила его в ближайший универмаг купить новые матрасы и подушки. Он потратил все деньги на два шикарных купальных халата для себя... Объяснил это тем, что не мог решить, какая расцветка ему больше подойдёт. И решил купить халаты обеих расцветок (других не было), чтобы потом не жалеть о своём выборе.")

Конечно, может сложиться впечатление, что Есенин чего - то недопонимает в порученном ему задании. Но ведь нельзя же, согласитесь, отправляя человека в магазин, чётко описывать ему не только то, что ему нужно купить, но и всё то, чего ему покупать ни в коем случае нельзя - это же никакой фантазии не хватит! Поди знай, на что ему захочется растратить деньги. И потом, ведь как это неприятно постоянно

напоминать взрослому человеку, что оставшуюся от покупок сдачу нужно обязательно приносить домой, а не прятать у себя по карманам и не тратить на свои прихоти (Программный аспект инволюционной интуиции времени (-б.и.1) побуждает Есенина проводить смелые эксперименты со случайностями и возможностями, позволяет ему поддаваться, "делать уступку" своему искушению, позволяет ему забыть об ответственности перед партнёром, убеждая себя: "В этот раз я поступлю так, как мне хочется и посмотрю на результат, а дальше уже решу, как мне поступать: так, как поручено, или так, как мне выгодно и удобно."). Поэтому, конечно же, дело здесь не столько в непрактичности Есенина, сколько в его предусмотрительности как "запасливого накопителя" - в его совершенно осознанном стремлении урвать для себя как можно больше материальных ценностей, как можно больше оттянуть на свою сторону ценных, важных и нужных вещей - то есть, здесь опять же действует всё тот же "комплекс шестёрки" - стремление "использовать" других, чтобы другие не "использовали" тебя.

И с этим комплексом Есенина Штирлицу приходится бороться постоянно. Он отлично видит, что Есенин от него постоянно что - то утаивает, перепрятывает и "зачивает" деньги. Есенин, как лисёнок, делает огромное количество тайничков и заначек по всему дому. (Как вспоминает одна дама: "Как-то забегаю с работы и вижу: сидит на кровати и лакомится шоколадками. "Откуда?" - спрашиваю, - "Ведь в доме не было денег!" (я их от него давно прячу), - "Правда?" - отвечает, - "А я не знал и нашёл!" - и тут же пояснил: "У меня заначка была". И тут же добавил: "Но теперь её уже нет".)

Но "зачачки", конечно же, есть всегда. И вот почему они появляются: предусмотрительный Есенин их готовит "про чёрный день", "про запас", на случай долгого безденежья или безработицы (что при его кажущейся безалаберности и непрактичности представляет для него серьёзную проблему). И эти проблемы и перемены к худшему он, конечно же, предвидит и ждёт. Программная функция предусмотрительного Есенина - инволюционная интуиция времени (-б.и.1) включает в себя и предчувствие глобальных системных перемен и связанных с ними (опять же, системных) разрушений, и глобальных перестановок, перестроек (и связанных со всем этим неприятностей), сюда же входит и мнительность, и подозрительность, и склонность к интригам как способность эффективно поправить свои и ухудшить чужие дела самым эффективным и самым неприметным для себя способом. Поэтому маска беспечного простачка является для Есенина ещё и надёжным прикрытием его истинных намерений и целей: он всегда может сказать, что потерял выделенные ему деньги или какую - то другую ценную и нужную вещь - даже если она потом найдётся в самом неподходящем для неё месте. Рассеянность, - что ты с этим поделаешь?! Такой уж он человек!

Эта камуфляжная беспечность как раз и позволяет Есенину с самым невинным видом перекачивать ценности в свой карман. И Штирлиц всё это подмечает. Понимает, что его попросту обирают и обкрадывают, но поделаться с этим ничего не может, потому что Есенин под свои действия подводит ошеломляющую Штирлица этическую подоплёку, на всё у него готов ответ: "Да, не приношу зарплату! Ну и что? Должен же я о себе позаботиться когда ты меня выгонишь?! Мне себе и квартиру, и мебель ещё надо

купить...” - то есть открыто признаётся в планомерном оттоке материальных средств, проводимым им с далеко идущими целями и вполне определёнными намерениями.

Деликатные намёки на то, что он злоупотребляет чужим доверием и паразитирует на чужой собственности при этом успеха не имеют. В данном случае к его совести взывать бесполезно: “ Да, я - “альфонс”, ну и что?! И горжусь этим! Это не ты меня выбрала - это я тебя выбрал!” (А значит: “и буду тебя использовать”). Таким образом, тайное присвоение материальных средств партнёра - опекуна является для Есенина удобным способом получения и накопления “отступных”, необходимых ему как залог его будущего благополучия. (Конечно, в ракурсе такой позиции ни “альфонсом”, ни “паразитом” быть не унижительно, потому что всё это уже чистойшей воды эксплуатация.) Когда отток материальных средств наносит непоправимо большой урон бюджету партнёра - опекуна (такой, после которого тот уже не может восстановить прежнее своё материальное положение), а “отступных” средств в тайничках Есенина накапливается более, чем достаточно (уж, если выгрести, так всё!), Есенин считает нужным покинуть эту выработавшую себя и исчерпавшую свой возможностный потенциал “эко - систему”.

Попытки (предусмотрительного) Штирлица разорвать эти опасные и неудобные для него отношения - тоже не всегда бывают удачны. И дело здесь не только в том, что Штирлиц как эмотивист - объективист и как человек четвёртой квадры (где доминирует аспект корпоративной этики) очень дорожит сложившимися партнёрскими отношениями - даже если они для него мучительны. И проблема не только в том, что здесь взаимодействуют два эмотивиста, манипулирующие этикой и не желающие разрывать ещё не изжившие себя этические связи - дело не в этом.

Даже если Штирлиц и “дозревает” до того, чтобы вышвырнуть своего “мучителя” за дверь, как не оправдавшего его надежды партнёра, его предусмотрительный конфликтёр- Есенин до определённого (им самим назначенного) срока не позволяет ему этого сделать, поскольку преследует совершенно определённые цели и строит определённые планы, которые не позволяет Штирлицу разрушать. А потому и предпринимает заранее целый ряд предупредительных мер, в которые входит и шантаж, и угрозы, и запугивание, и изнурительный психологический террор, которыми он держит Штирлица в определённой моральной зависимости, сковывает его деловую инициативу, не допускает к активным и решительным действиям.

В большинстве случаев эти меры носят этический и интуитивный характер.

Этическими мерами и творчески комбинируемыми методами эмоционального давления Есенин заставляет Штирлица изменить своё решение, если таковое уже назрело. Здесь всё идёт в ход: и изнурительные многочасовые скандалы, сменяющиеся затем кротостью, нежностью и лаской, и бурные, исступлённые истерики, сменяющиеся любовной идиллией. А когда уже наступает она, эта самая “идиллия”, Есенин старается вести себя так, чтобы Штирлиц сам не пожелал этой разлуки.

Что же до интуитивных мер, то здесь уже Есенин активно подавляет Штирлица, планомерно и целенаправленно занижая его самооценку. С изощрённым цинизмом он

высказывает Штирлицу самые негативные мнения о нём самом (о Штирлице), включая в них всё, что только поддаётся обсуждению. Он постоянно говорит Штирлицу о том, как все плохо отзываются о его (Штирлица!) работе и методах руководства, о том, какого все низкого мнения о его профессиональном и интеллектуальном уровне (про этический уровень нечего и говорить!), о том, как все на него обижены и сердиты, о том как много у него (Штирлица) врагов и как все эти враги на него набросятся едва только он (Есенин) - его преданный друг и защитник - от Штирлица уйдёт.

В речах Есенина (а точнее, в их психологической обработке - иначе это не назовёшь) Штирлиц видит всё, происходящее с ним, в каком-то диком и искажённом ракурсе, как в кривом зеркале.

Пример:

Женщина - Штирлиц в результате четырнадцатилетнего брака с конфликтёром впала в тяжелейшую депрессию и обратилась к психологу с просьбой разъяснить ей, действительно ли она уж такой плохой, бездарный, безнадежно тупой и никчёмный человек, как ей об этом каждый день говорит её муж, или здесь имеют место какие-то другие причины? Она рассказывала о своей огромной и продуктивной работе в самых различных научных областях, рассказывала о восторженных отзывах, которые вызывала её работа у отечественных и зарубежных специалистов. Рассказывала, как по наущению мужа она часто меняла специальности, поскольку, наперекор всем отзывам, он постоянно внушал ей, что она - профан и никчёмная неудачница. Рассказывала, как постоянно повышала свою квалификацию для того, чтобы убедить своего мужа в обратном и вызвать к себе хоть какое-то его уважение. Рассказывала, как падала в обмороки от усталости и нервного истощения, потому что днём отработывала полную смену домашних и рабочих нагрузок, а ночью занималась самообразованием.

И вот когда психолог, выслушав эту грустную исповедь, высказал предположение, что, по видимому, супруг над ней просто-напросто издевается и, скорее всего, делает это из зависти и каких-то комплексов собственной неполноценности (по сути так оно и есть!) - это замечание женщина как будто не услышала, пропустила мимо ушей, задумалась о чём-то о своём, а потом спросила: "Знаете... он мне советует попробовать себя в литературе. Как вы думаете, у меня получится?"

Проблема Штирлица ещё и в том, что он, будучи ориентирован на милосердного и сострадательного (программного этика) Достоевского, не понимает того жестокого сарказма, посредством которого манипулирует им Есенин, не понимает, что тот над ним издевается. И это обстоятельство особенно забавляет его конфликтёра. Вот уж действительно, каким нужно быть тупицей, чтобы не понимать, что над тобой издеваются! Одно это его уже смешит и убеждает в интеллектуальной ограниченности его партнёра. Впрочем, и то, что суть этого издевается не улавливается Штирлицем - это тоже вполне закономерно: поскольку в данном случае велась слишком тонкая и снайперски точная психологическая игра. В данном случае Есенин "подшутил" именно над тем, что является одной из ведущих ценностей четвёртой квадры, над тем, что для Штирлица свято и незыблемо, над тем, что стимулирует и активизирует его профессиональную и творческую деятельность, наполняя его жизнь и существование

смыслом - над творческой самореализацией его личности, над развитием его потенциальных возможностей. (У Штирлица аспект интуиции возможностей находится на позициях активационной функции (+ч.и.6) и является приоритетной ценностью диады и квадры, у Есенина - на позициях наблюдательной (+ч.и.7) и является вытесненной и презираемой ценностью в диаде и квадре. (В бета - квадре, где при определённых условиях пышным цветом расцветает посредственность, принято подтрунивать над слишком шустрыми умниками, вызывающих своими успехами чувство неполноценности у подавляющего большинства ("таких как все") заурядных и ординарных людей.

Это объясняет и то, почему Штирлиц даже предположить не мог в действиях партнёра какого - либо подвоха! Да будь это человек хоть каких интеллектуальных качеств, хоть сам Леонардо да Винчи (тоже, кстати, Штирлиц), - даже он, после непродолжительного контакта с конфликтёром усомнился бы в собственных умственных способностях: разве можно подтрунивать над тем, что является величайшим достоянием человека - над интеллектуальным развитием его личности!

Не следует думать, что Есенин безнаказанно позволяет себе эти опасные игры из одной только любви к риску или из ненависти к конфликтёру. Есенин достаточно уверен в своих позициях. Никто не вышвырнет его из дома, пока он сам не будет готов из него уйти. (Это же касается и материальных отношений: не будем забывать, что накопление материальных ценностей и упрочнение материального положения - суггестия Есенина и программная установка его дуальной диады. Так что, к этому вопросу он относится очень серьёзно.

Даже покидая дом конфликтёра, Есенин не забывает и об оставленных им тайничках и "зачках".

Лида. 37 лет, Штирлиц:

"Когда мы разъезжались с ним, у нас была договорённость, что он будет иногда приходить за своими вещами - письмами или книгами. Когда он уезжал, он сразу всего не смог или не успел захватить с собой. Эта договорённость была уступкой с моей стороны, но слишком долго ждать, пока он соберёт свои вещи и освободит от них мою квартиру, я тоже не могла. Мне это не удобно, у меня свои планы. Когда я сказала ему, что собираюсь поменять замки, он устроил мне настоящий скандал. Пригрозил, что если я это сделаю он их поломает, зальёт снаружи клеем, и я не смогу туда вставить ключ. Я очень не люблю когда портят мои вещи, а от него можно было всего ожидать, поэтому я решила, что это будет моей последней уступкой. Мы договорились, что сначала он заберёт всё своё имущество, а потом уже я поменяю замок. И вот, в течение нескольких лет он периодически заявлялся в мой дом и что - нибудь забирал. Прихватывал и своё, и чужое, а потом исчезал на какое - то время. Ключи ещё долго оставались у него, и из - за этого я не чувствовала себя защищённой в своём доме. Помню, я как - то пришла со своим новым другом домой. В квартире во всех комнатах горит свет, гремит музыка, на кухне открыт холодильник, а мой "бывший", лежит в постели, курит и смотрит видео. Оказывается он захотел мне сделать приятный

сюрприз и очень удивился, что я его приходу не обрадовалась. Мой новый друг обиделся и тут же ушёл, а я ещё долго разбиралась с этим... Потом был ещё один “сюрприз”, на этот раз последний. Получилось так: он меня долго уговаривал поменяться с ним журнальными столиками. Я сначала не соглашалась, но он меня так достал, что я всё - таки уступила. “Обмен” он тоже произвёл в моё отсутствие. Когда я пришла с работы, в комнате не оказалось ни журнального столика, ни большого обеденного стола. Мебель была передвинута и расставлена в комнате по - просторней. Я ему тут же перезвонила и потребовала объяснений. Он мне ничего не объяснил, но притворился обиженным и сказал примерно так: “Фу, какая ты грубая! Какая же ты дрянь! Ты никогда не ценишь того, что для тебя делают! У тебя в комнате и так было тесно! А теперь у тебя хорошо: просторно и уютно! Я и без столика расставил тебе всё красиво! Но ты никогда ничего не ценила! Ты - дрянь, и я не хочу с тобой разговаривать!” И бросил трубку. В эту минуту я готова была его убить - явился в мой дом, взял мои вещи!..”

— *А что на это скажет Есенин?*

— Примерно следующее:

“Ох, уж этот “собственник” - Штирлиц! - “Мой дом, мои вещи!..” - А человеческая душа его не интересует? А что переживает человек, который несколько лет делил с ним и стол, и кров, и постоянно чувствовал, что его не сегодня - завтра выгонят? А ему, Штирлицу, когда -нибудь хочется заглянуть в чужую душу, или ему интересно только свои серебряные ложечки пересчитывать, чтобы их у него не украли? А сокровенные тайны близкого ему человека его когда -нибудь интересовали?! У него даже времени не находилось их выслушать! Он даже не догадывался, как был несчастлив близкий ему человек, как он был одинок! (Тут Есенин может подпустить слезу в голосе.) А всё потому, что ему, Штирлицу, важнее всего его собственность! Его дом, его стены, его имущество! Да пропади оно пропадом это имущество! То ли дело Есенин: он может с себя последнюю рубашку снять - “ему для хорошего человека ничего не жаль!” (Так, по крайней мере, Есенин о себе говорит.) А эти вечные упрёки в непрофессионализме и некомпетентности! Можно подумать, что у Штирлица эрудиция безгранична! А это постоянное повышение квалификации, эта вечная работа Штирлица над собой! Это он специально, назло другим, так делает, чтобы казаться ещё умнее, и квалифицированней! Ну ладно, старайся, учись! Хочешь умнее всех быть? Не выйдет - есть кое - кто и похитрее тебя!..”

Первейшая хитрость Есенина - первейший способ “укрощения” Штирлица - это требование снисхождения и уступок (способ, используемый и Достоевским в ИТО дуализации). Есенин же интерпретирует его иначе: он берёт на себя роль “баловня семьи”, общего любимчика, которого нельзя обижать. Для этики отношений Жукова это было бы понятно и просто. Для Жукова удобна форма этических “табу” - маленьких и слабых нельзя обижать, сильных и здоровых (а главное, недружелюбных и опасных) - можно и нужно! У Штирлица этика отношений рассчитана на другие заповеди и первейшая из них: никто не имеет права спекулировать на своей слабости и играть на чужом великодушии. Привилегированных “баловней” в семье (и в команде) быть не должно: каждому воздаётся по его делам, а не по его претензиям. Но Есенин (как

авторитарный аристократ) с этим не соглашается.

(Тамара 36 лет, Штирлиц)

“Так получилось, что баловнем в нашей семье был муж. Сам он - выходец из бедной, необеспеченной семьи. И я подумала, что смогу дать ему то, чего он недополучал в детстве. В своей семье он был приучен к труду. И вначале он мне показался очень деловым человеком. По крайней мере старался показаться мне таковым. Но когда мы поженились я была страшно разочарована. Это просто немыслимо, до какой степени у мужчины ни к чему не лежат руки! Всё валится из рук, за что ни возьмётся, всё ломается. Ни на одной работе он не задерживался... Мы решили начать с ним общее дело, стали заниматься бизнесом. И я опять была в шоке - как же он умудрялся всё запутать! И потом он так боялся взять на себя ответственность. Один раз я поручила ему уладить им же самим созданное недоразумение с подрядчиками, но он оказался и на это неспособен - выставил меня вперёд, сам спрятался за мою спину и говорит: “Ну, вы тут пока разбирайтесь, а я пойду...” На него нельзя было полагаться ни в чём! А уж как я с ним нянчилась, как опекала!.. А ему приятно было сознавать, что с ним нянчатся. Бывало он так подойдёт ко мне и спросит: “А Вовочка - любимчик?” и сам себе отвечает: “Любимчик!”. Детей мы так и не завели, он как будто боялся, что большая часть любви перейдёт к детям...”

Теперь я понимаю, что сама себе создала этого монстра. Ведь стоило хоть в чём - то пойти против его воли, как он тут же закатывал истерику вплоть до того, что ложился на пол и бил ногами. Как он меня изводил этим!.. Простить себе не могу, что сама создала себе эту проблему!..”

Есенин умеет “бить” Штирлица по этике эмоций - этого у него не отнимешь. И если он видит, что какой - то приём позволяет ему без промаха “попадать в цель”, будет использовать его многократно. Штирлица этот приём потому изумляет, что Достоевский им пользуется крайне редко - редко закатывает истерики, но раз нащупав болевую точку, будет практиковать этот метод для достижения желаемого. (Болевыми приёмами пользуются и в отношениях дуальности, и в отношениях конфликта).

Но главное оружие Есенина (и главное его “преступление” в глазах Штирлица) - это то, что он оттягивает на себя слишком много времени. Тем, например, что по миллиону раз спрашивает и переспрашивает, прежде чем что - либо сделать (или вместо того, чтобы сделать), что для Штирлица ещё хуже: спрашивал обнадёживал, время тянул, на него понадеялись, а он не сделал.

Однако Штирлиц того не знает, что Есенин, который по сотне раз переспрашивает - это ещё идеальный Есенин (в дуальной диаде ему положено по многу раз переспрашивать - и Жуков доволен: партнёр под присмотром, и Есенин спокоен: ответственности меньше). Хуже, когда не спросясь Есенин делает что - то, а сделанного потом не исправить. Такое тоже случается. И расхлёбывать приходится Штирлицу. (Как и Жукову в дуальных ИТО. Но Жуков при этом сам себя винит - сам виноват: не объяснил! А Штирлиц винит Есенина: как он посмел не спросить!) Есенин винит

Штирлица: если даёшь поручение, имей терпение всё объяснить.

А вот терпения на Есенина у Штирлица не хватает. И винит он в этом опять же Есенина - слишком уж долго, сумбурно и путано он подходит к работе, прежде чем приступить к ней или вникнуть в суть дела: ставит вопрос “не так” и не по существу, за дело берётся не с того конца. Штирлицу, соответственно, тоже приходится объяснять ему задание шиворот - навыворот - не с того конца и не по существу (как это обычно бывает у конфликтёров). Зато потом оба и пожинают результаты своего сотрудничества - оба друга винят и оба страдают.

Ну а дальше, как водится, конфликтёр - логик навязывает конфликтёру - этику комплекс вины, представляя его этаким “недотёпой - дураком - неудачником” (как это мы хорошо видим из предыдущего монолога). Конфликтёр - этик тоже не остаётся в долгу и навязывает партнёру - логику чувство вины, представляя его жестокосердным тираном и деспотом, с которым наверняка никто ужиться не сможет, который не способен любить и потому, разумеется, любви не достоин.

Есенин упрекает Штирлица в том, что тому не хватает времени понять его, посочувствовать, разобраться: “Вот ты всегда так: не разберёшься, накричишь, потом сама же жалеть будешь!”

А Штирлиц, мучимый угрызениями совести, слушает его и страдает:- он хорошо знает за собой эту черту: накричать сгоряча, а потом переживать, что опять сделал “что - то не так”.

Но все эти проблемы - мелочи, по сравнению с процессом координации совместных усилий и целей в этой диаде, а в отношениях конфликта он самый болезненный.

Мы уже говорили, что Есенин не стесняется использовать Штирлица в своих прагматичных целях, особенно, если это соответствует его (Есенина) стилю жизни, потребностям, способу существования и способу решения насущных проблем. И ничего унижительного для себя в этом Есенин не видит. Многое зависит от личного мнения и отношения к этому вопросу. Исходя из всё того же бета - квадратного комплекса “шестёрки”, лучше подчинять себе, чем подчиняться другим. Есенин обидится (и совершенно справедливо!), если сказать ему, что он торгует своими чувствами и своей душой. Это неправда!

Душу Есенин по мелочам не разменивает и считает это величайшей заслугой перед собой и человечеством, а “жаждущим” и “страждущим” сбрасывает лишь “мизерные проценты”, тех душевных сокровищ, которые неизменно (и вполне заслуженно) составляют основной предмет его гордости (и высокой самооценки). Есенин любит и умеет устраивать людям праздник (ему самому это приятно), проводит огромную и энерго затратную творческую работу, и вполне естественно, ждёт ответного, заслуженного вознаграждения, о котором не считает за грех и напомнить (если память у людей коротка).

Прагматично настроенный Есенин может быть и откровенно расчётливым, и меркантильным: может как “пляжный “плэйбой” или “гостиничный жиголо”. Может обхаживать одинокую, состоятельную даму, рассчитывая на материальное вознаграждение или на сколь-нибудь продолжительное “покровительство”.

Возможно, это и унижительный путь, но не для Есенина. Душой и мыслями он выше этого, а “проценты” от меняющегося им “по заказу” настроения он может выгодно пускать в оборот. (В биологии это свойство называется “инстинктивной программой поощрительного спаривания”. Оно заложено в природной, инстинктивной основе аспекта деловой логики (логики действий) и определяет мотивы многих поступков и действий, позволяющих выживать и успешно конкурировать, борясь за существование в трудных условиях.

Соответственно оба “инертных прагматика” - И Есенин, и Штирлиц (а у обоих аспект деловой логики находится в инертном блоке) придают огромное значение этому аспекту и от привычки считать целесообразными те или иные свои решения, поступки и действия отказаться не могут. А в результате у каждого из них складывается впечатление, что партнёр эксплуатирует его и использует, наживается за его счёт.

Для Есенина самое главное - не осознавать себя рабом, тогда не будешь и тем, на ком воду возят. (Потому он и претендует на место любимчика в семье: любимчика все любят, всё ему прощают, ничего не требуют от него и не спрашивают - как с ребёнка - что с него возьмёшь! Потому Есенин и удерживает для себя роль “инфанта” в социальной иерархии, что это традиционно удобный для него способ выживать и бороться за своё существование - разве можно его за это осуждать?!)

Исторически, эволюционно Есенин умеет быть хозяином своего господина. Он не хуже Максима может укрощать самых строптивых и “объезжать” самых неистовых, действуя (в большинстве случаев) терпеливо, ненавязчиво и умиротворённо, методом просьб и увещаний. (И это его колоссальное достижение в искусстве “управления” Жуковым - равно как и в искусстве “смягчения” других “иерархов” второй квадры - и этому нам всем ещё надо у него поучиться!) На этом основан и его взаимовыгодный союз с Жуковым (который распадается, чуть только Жуков перестаёт должным образом оценивать услуги Есенина и перестаёт видеть в нём равного себе партнёра). На этом же основании Есенин пытается построить и свои отношения со Штирлицем. Но у Штирлица иерархия ценностей диаметрально противоположна иерархии ценностей Есенина, а с этим уже не может смириться Есенин.

[Источник](#)

[Обсудить на Социофоруме](#)

Штирлиц - Есенин (Стратиевская) - Часть 01

Автор: admin

05.10.2010 21:04 - Обновлено 05.10.2010 21:21
